

Знакомое дыхание, мимолётное прикосновение ладони, скользнувшей от лопаток к пояснице — этого едва уловимого жеста хватило, чтобы Морис, замерший в объятиях Хань Цзина, мелко задрожал. Из-за нежданной беременности и затянувшейся молчаливой размолвки он почти двое суток подавлял в себе желание. Стоило Хань Цзину ответить на поцелуй — пусть робко, с секундным колебанием, — как у Мориса перехватило дыхание, а тело стало податливым и мягким. От кончиков пальцев до мочек ушей и ступней — каждая клеточка кожи пробудилась мгновенно, оживляя в памяти безумство прежних ласк. Не в силах совладать с собой, он прижался к Хань Цзину, умоляя о большем.

Хань Цзин крепко сжал в объятиях это разгорячённое тело, но тут же мягко отстранился.

— Я хочу сначала принять душ.

Кожу обдало прохладой, и сердце отозвалось глухой, ноющей болью. Хань Цзин оставался заботливым, как и прежде, но Морис уловил в его поведении тревожную перемену.

Он... прятал взгляд? Намеренно отводил глаза?

Вглядываясь в полумрак, где тонул профиль возлюбленного, Морис ощутил горькую обиду. Ведь он наступил на горло собственной гордости, отбросил спесь...

Однако прекрасное лицо Хань Цзина оставалось безучастным. Морис стиснул пальцы и негромко произнёс:

— Душ справа. У тебя раны на лице, помочь?

Эта неожиданная мягкость тронула Хань Цзина. Он хотел согласиться, но слова застряли в горле. Жалость — вот чего он не желал принимать ни при каких обстоятельствах, особенно от того, кого любил до безумия.

— Не нужно.

Он отказался мягко, но непреклонно. В своей грязной, изорванной одежде Хань Цзин чувствовал себя так, словно его спину утыкали иглами. Ему казалось, что одним своим видом он оскверняет Мориса.

Из-за двери донёсся шум льющейся воды. Морис нахмурился, вслушиваясь в этот монотонный гул. Он то и дело бросал взгляд на ванную комнату, сплетя пальцы так сильно, что побелели костяшки. Отстранённость Хань Цзина ранила его.

Хань Цзин стоял посреди клубящегося горячего пара. Стены ванной, облицованные кристаллами Туаой, не просто регулировали температуру и мягко рассеивали свет — они, словно зеркала, отчётливо отражали его силуэт.

Струи воды наконец смыли запёкшуюся кровь. Хань Цзин всматривался в мутное отражение с глухой тоской. Помедлив, он протянул дрожащую руку и медленно, с трудом стёр конденсат со стены. Из глубины зеркальной глади на него взглянуло знакомое и одновременно чужое лицо.

«Моё лицо... Изуродовано. Навсегда»

Уродливый, глубокий рубец рассекал лоб, переносицу и уходил к правой щеке. Края раны кое-где припухли и побелели от хлынувшей ранее крови. Хань Цзин не понимал, как Морис — всегда столь холодный и недоступный — вообще решился к нему прикоснуться. Тот ведь сам, по своей воле, поцеловал его! Неужели из жалости? Но жалость унижала его...

Он ни секунды не жалел о том, что сотворил с собой, но глухой, тщательно подавляемый укол неуверенности в себе вспыхнул с новой, пугающей силой. Он вспомнил былую переменчивость Мориса, его колкие, высокомерные речи, когда-то ранившие до глубины души. Теперь, когда его внешность была безнадежно испорчена, вера в их будущее зашаталась.

«Неужели мне суждено и дальше играть в этой драме одного актёра?»

Он разглядывал своё изувеченное лицо, испытывая невыносимую, удушающую горечь поражения.

В этот миг сквозь плотную пелену пара проступил высокий, изящный силуэт. На Морисе была лишь тонкая шёлковая пижама. Влажная ткань потемнела и облепила его алебастровую кожу, безупречно очерчивая изгибы тела от плеч до щиколоток — за исключением разве что едва заметно округлившегося живота. Рассыпав по плечам длинные золотые волосы, он медленно подошёл к Хань Цзину. В зыбком сиянии, преломлённом каплями воды, его сапфировые глаза подёрнулись влагой, выдав тщательно скрываемую уязвимость. Сердце Хань Цзина болезненно сжалось.

Их взгляды — лазурный и обсидианово-чёрный — встретились, безмолвно сливаясь в одно целое.

После долгого, напряжённого молчания Морис заговорил первым.

— Ты нужен мне... Хань Цзин.

Он поспешно отвёл взгляд. Его голос звучал ровно, почти равнодушно, но побелевшие от напряжения пальцы выдавали его с головой. И Хань Цзин это заметил.

Грудь Хань Цзина сдавило нежностью и болью, но бывшего слепого упрямства он больше не испытывал. Пережив два жестоких удара по самолюбию, он отбросил пустые догадки. Хань Цзин молча притянул Мориса к себе, согревая его дрожащее тело, и негромко произнёс:

— Я знаю... Прости, это я во всём виноват. Забыл...

Почувствовав, как чужие ладони осторожно стягивают с него шёлк пижамы, Морис вздрогнул от острой тоски. Он перехватил руку Хань Цзина, лежавшую на его плече.

— Нет! Я не об этом... совсем не об этом!

Заглянув Хань Цзину прямо в глаза, Морис прижал его ладонь к своей груди, туда, где отчаянно билось сердце.

— Оно... Моё сердце больше не может без тебя.

Почувствовав, как вздрогнули пальцы Хань Цзина, Морис сжал их крепче, внезапно растерявшись.

— На самом деле... я никогда не мог тебя позабыть. Всё, что произошло в иллюзии Атлантиды, врезалось мне в память. Но лишь после этого безумия я наконец осознал...

Морис никогда прежде никому не признавался в чувствах и уж тем более не брал на себя инициативу в близости. Он говорил путано, робея и запинаясь, но каждое слово звучало предельно отчётливо. Это было решение, выстраданное в долгие часы раздумий.

— Я помню каждый миг, проведённый там. Всё помню так ясно, будто мы прожили вместе целую жизнь в круговороте перерождений. Из-за этого я и привязался к тебе. И теперь, здесь, в реальном мире, я тоже не могу без тебя, Хань Цзин.

Его тело напряглось, и в объятиях мужчины он мелко задрожал. К нему наконец пришло прозрение: он ведь любил его всегда. Очнувшись от того сна, так похожего на явь, он уже не мог вычеркнуть Хань Цзина из сердца. Лишь непомерная гордость и упрямый эгоизм заставляли его отталкивать любимого, прикрываясь ледяной маской. Но невидимая нить всё равно тянулась к нему. Морис сам не заметил, как задействовал все свои полномочия, чтобы перевести Хань Цзина поближе, и раз за разом покорно засыпал в его объятиях.

Сон ли это Чжуан-цзы о бабочке или бабочке снится, что она Чжуан-цзы? Да и какая разница, если эта непреодолимая, мучительная тяга оставалась неизменной, разгораясь лишь сильнее с каждым днём...

Во взоре Мориса промелькнула незнакомая прежде нежность. Он преданно посмотрел на Хань Цзина.

Хань Цзин не отвёл глаз. Словно утопающий, он прижал к себе Мориса, зарываясь пальцами в шелковистые золотые пряди, а затем скользнул ладонью под тонкую ткань пижамы.

Морис часто задышал. Он обвил руками шею Хань Цзина и сам потянулся к его губам, увлекая в глубокий, жадный поцелуй. Языки переплелись, распаяв внутри неистовый пожар. Тело Мориса мгновенно отозвалось на близость; от случайного трения пах пронзила острая, томительная судорога возбуждения.

Шёлк пижамы бесшумно скользнул на пол. Оторвавшись наконец от исступлённых, лишаящих дыхания губ, Морис обнаружил, что они уже лежат на полу в клубах влажного пара. Желание было настолько сильным, что холод плитки под спиной казался несущественным. Горячие капли воды усыпали их обнажённую кожу, а на туманных хрустальных стенах колыхались размытые очертания сплетённых тел.

Морис вытянулся в струну, до самых кончиков пальцев поражённый этой ошеломляющей близостью. Душа и плоть сливались воедино, рождая неизведанное, острое блаженство.

Морис со стоном откинул голову, его уши и шея залились густой краской. Хань Цзин припал к его ключицам, спускаясь ниже, осыпая грудь и живот требовательными, обжигающими поцелуями. Каждый мазок влажных губ заставлял Мориса вздохнуть. Голова кружилась от сладкой истомы, дыхание щекотало кожу у самого уха.

— Ах!

Морис испуганно выгнулся, в его взгляде вспыхнуло смущение.

— Не надо! — взмолился он сорвавшимся голосом, когда горячие губы Хань Цзина коснулись его напряжённого, изнывающего от возбуждения паха.

Это было невыносимо сладко и постыдно. Стыд и вожделение смешались в груди, Морис невольно подогнул стройные ноги, пытаясь отползти назад. Но Хань Цзин предусмотрел это. Он крепко обхватил Мориса за талию и, склонившись, ласково взял его горячую плоть в рот. Мужчина под ним конвульсивно вздрогнул; волна нестерпимого жара, точно степной пожар, в мгновение ока опалила кожу Мориса.

Морис попытался заставить его прекратить, но из приоткрытых губ вырвался лишь протяжный, сладострастный стон — ласки Хань Цзина лишали воли. Лазурный взор затуманился слезами. Морис разрывался от внутренних противоречий: эта поза казалась ему унижительной, он отчаянно хотел вырваться, но сильные руки держали его бережно и крепко. Внизу живота разлилась непривычная тяжесть. Рука Хань Цзина скользнула к его округлости, накрыв ладонью лоно, где теплилась новая жизнь. Хань Цзин ни о чём не подозревал, но сам Морис...

Он больше не мог противиться. Одно воспоминание о том, как хладнокровно он собирался избавиться от плода, отдавалось в груди невыносимым раскаянием. Но как во всём признаться?

Прошёл всего день, и он был совершенно не готов к такому разговору. Мысль о том, что его, боевого генерала, подчинённые увидят с раздавшимся телом, что ему придётся, подобно женщине, лежать на родильном столе, сковывала его паническим ужасом.

Терзаясь сомнениями и стыдом, Морис забился в тисках непреодолимого наслаждения. Каждое движение языка Хань Цзина отзывалось в нём электрическим разрядом, концентрируя всю сладостную муку в одной точке.

Запрокинув голову, он всхлипнул и излился прямо в губы Хань Цзина.

— Грязно? — Хань Цзин стёр пальцем каплю с губ и прильнул к нему всем телом. Он заглянул в раскрасневшееся лицо Мориса нежным, любящим взглядом, бережно оглаживая его вздрагивающие бёдра, успокаивая разгорячённую кожу.

— Морис, я кажусь тебе уродливым?

— Нет.

— Тогда с чего ты взял, что мне может быть противно?

Хань Цзин коснулся влажных золотых волос, убирая их с лица, чьи идеальные черты казались выписанными тончайшей кистью мастера. Его сердце, ещё недавно томившееся в ледяной бездне, вмиг взмыло к небесам, подхваченное лавиной раскалённой лавы. Безумный восторг затопил его разум. Внутренний жар требовал немедленного исхода — Хань Цзин желал без остатка раствориться в этом человеке.

«Он тоже меня любит!»

Вглядываясь в эти лазурные омуты, Хань Цзин видел: этой ночью Морис отдался чувствам без остатка, позабыв о своей вечной холодности.

— Но... ведь туда... — Морис никак не мог успокоиться. Его тихий голос дрожал, а во взоре читалась безмолвная мольба.

Он слегка развёл согнутые колени; ладонь Хань Цзина, скользнувшая к внутренней стороне бедра, обжигала кожу, словно рассыпая искры. Тело вновь отозвалось томительной судорогой.

— Там ты ещё прекраснее, — прошептал Хань Цзин, отбрасывая стыдливость. Он обнял Мориса за шею и приник к его губам в собственническом, пьянящем поцелуе.

Морис судорожно вцепился в его плечи, сдерживая рвущийся из зацелованных губ стон. Жар чужой кожи, дурманные поцелуи и властное, неодолимое вторжение заставили его тело,

давно познавшее сладость этих ласк, мгновенно подстроиться под ритм партнёра. Каждое глубокое движение Хань Цзина отзывалось внутри Мориса безумными спазмами наслаждения.

Морис крепко обхватил Хань Цзина ногами. Он вытянулся всем телом, сжимая пальцы на ногах, содрогаясь от нарастающего, лишаящего рассудка оргазма.

— Ах!.. — Он беспомощно разрыдался. Сумасшедший, яростный темп пугал его и одновременно затягивал в бездну. На грани беспамятства Морис упёрся ладонями в грудь Хань Цзина, пытаясь вернуть контроль над уплывающим сознанием.

— Не надо... мх-х!..

— Пожалуйста! Помедленнее... полегче! Хань Цзин!

Хань Цзин сбавил напор. Он чувствовал, как Морис нетерпеливо извивается под ним, а его отзывчивое нутро судорожно сжимается, выдавая изнемогающее от похоти тело.

— Что случилось, Морис? — Хань Цзин прижал к себе его пылающее тело, изо всех сил сдерживая собственный рвущийся наружу ураган.

— Я хочу... полегче... — Морис отвёл глаза и прикусил губу, умалчивая о настоящей причине. Из-за слишком резких толчков внизу живота отозвалась глухая, едва заметная боль. Он испугался за сохранность плода.

Превозмогая неловкость, он уткнулся лбом в плечо Хань Цзина; мокрые золотые пряди облепили их лица. Хань Цзин крепко прижал его к себе и поцеловал в чистый лоб. Он впервые видел Мориса таким — без маски грозного военачальника, беззащитным, смущённым и трогательно уязвимым.

Морис лежал на тёплом, залитом водой полу, чувствуя, как Хань Цзин медленно, плавно заполняет его изнутри. Эти ленивые, тягучие движения будоражили самые чувствительные точки, разжигая едва утихший голод с новой силой.

Морис закусил губу, сиюсь сдерживать стоны, пока у самого его уха звучал горячий шёпот:

— Я люблю тебя, Морис.

— Сильнее жизни люблю...

Хань Цзин шептал эти слова иступлённо, словно пытаясь выплеснуть всю нежность, скопившуюся в груди.

Эти признания, когда-то казавшиеся Морису банальными, теперь заставили его сердце ёкнуть. В моменты полного слияния душ и тел искреннее чувство становится самым мощным катализатором.

Движения Хань Цзина были бережными, но это лишь усугубляло пытку — сладостная тяжесть копилась внутри, не находя выхода. Морис чувствовал себя губкой, до предела напитавшейся влагой. Пылающий изнутри жар сводил его с ума. Помня о ребёнке, он не смел просить о большем и лишь отчаянно всхлипывал, пока его длинные золотые волосы разметались по мокрой плитке в такт неторопливым толчкам. Из его горла то и дело вырывались хриплые, несвязные вскрики.

Хань Цзин не ожидал, что даже такая неторопливая ласка доведёт Мориса до иступления. Удерживая его за бёдра и не давая отползти, он смахнул пот со лба и начал ускоряться, приближая развязку.

— А-ах... х-хах... — Жар плавил кости. Морис инстинктивно попытался ухватиться за простыни, но под пальцами была лишь скользкая мокрая плитка. Он царапал её ногтями, оставляя на мокром полу белёсые следы.

Бледное тело выгнулось дугой. Вопреки собственной просьбе, Морис сам начал нетерпеливо подаваться назад, умоляя бёдрами о сокрушительном, быстром темпе — лишь бы прекратить эту мучительную, изнуряющую пытку медленным наслаждением.

Очередной глубокий толчок окончательно лишил его сил. Морис вскрикнул, его блуждающие руки перехватили ладони Хань Цзина, ища опору. В затуманенных лазурных глазах блеснули слёзы.

— А-ах!.. Мерзавец!.. М-мм!..

Он сорвался на плач и бессвязную брань, словно это могло унять разрывающий его изнутри восторг. Хань Цзин содрогнулся всем телом и крепче прижал к себе обмякшего, податливого Мориса, чувствуя, как тот жадно принимает в себя каждое его движение, сплетаясь с ним в единое целое перед неизбежной вспышкой.

<http://bllate.org/book/19677/2006445>